

Антон Карпов

DL-6

Карпов Олегович Антон

DL-6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68748867

SelfPub; 2023

Аннотация

В бесконечной гонке за карьерным успехом герои применяют любые средства. Средство, способное ускорить работу мозга, доступно ограниченному кругу лиц. Вопросы, хорошо это или плохо, остаются где-то в стороне.

Карпов Антон

DL-6

*

Положил телефон на стол, нажал «ВЫЗОВ» и «ГРОМКАЯ СВЯЗЬ». Один гудок, второй...

– Пожалуйста, возьми – прошептал одними губами.

Дело на столе. Приговор вынесен. Назад дороги нет. Если не обжалуют.

– *Но ты же знаешь, что этот приговор не обжалует – никто.*

Он склонился над документами, щурясь от сигаретного дыма.

– *Ты всё сделал правильно, в строгом соответствии с действующим законодательством...*

– Тихо! – ударил кулаком по столу.

Голос стих. Ненадолго. В последнее время всё сложнее контролировать эту проклятую говорилку в голове.

...гудок ...ещё один

С левой руки на пол упало несколько капель. Сердце как-то тяжело отдавало в груди. Но сегодня он уже не боялся. Впервые в жизни он не сомневался, что хочет этого.

...ещё гудок

Уже собирался выключить телефон, когда на том конце щёлкнуло.

– Алло?

– Привет.

– Кто это?

– Твой муж... бывший. Ты удалила мой номер?

– А, привет. Да, удалила. Что ты хотел?

– Поехали, покатаемся?

– Не могу. Я не дома.

– Ммм, прости. Ты, наверное, занята...

– Да. Что ты хотел?

– Просто проговорить. Мы ведь не чужие люди.

– Я так не думаю.

Он замолчал. Она всегда была такой холодной? И как они прожили вместе три года?

Весь рукав красный. На полу лужа крови.

– Алло! – с раздражением сказала она.

– Ладно, прости...

– Что?

– Прости, что побеспокоил. Будь счастлива.

Он не стал дожидаться ее ответа и выключил телефон. Тишина навалилась вновь. Удушающая, глухая подушка. Лишь едва слышные звуки машин за окном.

Взгляд снова упал на документы. Сердце сжалось в клещи.

– *Ты всё сделал правильно. В строгом соответствии с действующим законодательством.*

– Да заткнись ты со своим строгим соответствием!

– *Согласно положениям пункта 8 статьи 29 Постановления Правительства...*

– Хватит! Хвааатит!!!!!!

Сжал ручки оконной рамы и рванул на себя. Получилось не сразу – пальцы на левой руке уже начали неметь. Видимо, резанул слишком глубоко. К чёрту, какая разница!

В открытые окна ударил ночной воздух свежий после дождя. Он достал из ящика сигареты, сел на подоконник, ногами наружу и закурил.

Пятый этаж. Окна кухни и зала выходят на проспект, а окна спальни – в тихий дворик. Все, как они хотели. Так почему же эта квартира так и не принесла им счастья?

Сквозь тучи пробился серебристый бок молодого месяца.

Он надеялся, что она перезвонит. За спиной раздастся мелодия её (только её!) звонка. Он бы сейчас всё отдал за то, чтобы услышать эту мелодию. Но телефон молчал.

Она была самым близким человеком, даже несмотря на то, что они не жили вместе уже столько лет... И она была единственной, с кем бы он хотел поговорить сейчас. Просто поговорить в тишине, как когда-то.

Уходя, она говорила, что не понимает его. Говорила, что он изменился после того, как установил DL-6. Стал другим.

Что он сделал не так? Работал днями напролёт? Не уделял ей достаточного внимания?

Она говорила, что хочет внимания. А он слушал её и ду-

мал о работе. Круглыми сутками думал о работе. Всему виной этот чертов датчик. В голове звучали нормы права, примеры судебной практики, целые разделы законодательства, какие-то бесконечные эфиры и консультации.

Он стал работать лучше, быстрее и – *больше*...

Предполагалось, что DL-6 поможет ему разгрузиться. Увеличит скорость мысли, производительность и, тем самым, освободит кучу времени. Но вместо этого руководство (которое увидело, что эта лошадка – тянет) стало наваливать на него ещё больше дел.

Доходило до абсурда: он уезжал в отпуск в надежде расслабиться – и не мог. Не мог перестать думать о работе. Мозг требовал свою ежедневную порцию информации. Как пиранья, которая жаждет мяса. А получив кусок, разрывает его в клочья. И уже не способна остановиться.

Конечно, в таком режиме семья отошла на второй план. Он перестал проводить время с женой. Мог часами обдумывать какое-нибудь нестандартное решение.

И – он не думал о последствиях. А они настали. Последствия всегда наступают.

«– *Мы ведь не чужие люди.*

– *Я так не думаю*» – ответила она. Последний гвоздь в крышку этого гнилого гроба.

Он поднял левую руку и внимательно посмотрел на рану. Маленький прозрачный датчик ДЛ-6 пульсировал в такт с ударами его сердца. Он не смог вырезать датчик ножом. Пы-

тался, но – не смог. К горлу подкатило, лоб покрылся холодным потом. А может, просто побоялся. Несколько минут назад у него была надежда. А теперь?

Затянулся покрепче, наблюдая за тем, как разгорается огонёк. Перехватил сигарету за фильтр и прижёл себе руку – воткнул её прямо туда, где был установлен проклятый датчик.

Затем спрыгнул.

*

= 14:06 =

Думать при ходьбе. Не то, чтобы Вова любил это занятие. Оно получалось скорее само собой. Проходя два квартала от станции до суда, он невольно прокручивал в голове обстоятельства дела.

Дорога через площадь. Люди, голуби, деревья. Скоро осень, на асфальте лежат первые листья. Слева на первом этаже небольшая закусочная и очень вкусный кофе с молоком! Сколько раз здесь, в тени клёнов, Вова проводил обеденный перерыв? За десять то лет... и не сосчитать.

Ускоряя шаг, он думал о том, какие вопросы может задать судья, продумывал отходные пути на случай, если процесс пойдёт не по плану.

Большие тёмно-коричневые колонны здания суда раньше внушали страх. Сколько судеб искалечили в этих стенах?

Сколько осчастливили?

Но дело не в колоннах, а в тех людях, которые работают внутри. Дело в том, частью какой *системы* эти люди являются. При мысли об этом Вова почувствовал лёгкое покалывание.

Он в два прыжка преодолел ступени крыльца и наткнулся на своих свидетелей. Растерянные взгляды людей, которые были в судах один, может быть два раза за всю жизнь. И слава богу. Самые счастливые – те, которые никогда не сталкивался с подобными учреждениями.

– Здравствуйте! Паспорта взяли?

– Да.

– Отлично. Пойдёмте.

Судебные приставы на входе, проверка документов, магнитная рамка. Откройте сумочку, выложите всё металлическое на стол. Что в бутылке? Вода? Сделайте глоток.

– На какое время заседание?

– 14-30, судья Крамник.

– Проходите.

– Они так переживают за свою безопасность? – спросила Светлана Павловна, засовывая вещи обратно в сумку. – Строже, чем в аэропорту.

– Дааа... Я не слышал ни об одном теракте в судах. Не то, что в школах... – ответил её муж, коренастый мужчина в очках с толстыми линзами.

– Идёмте – Вова привык к подобным возмущениям и не

реагировал. Сейчас важно совсем другое. – Давайте повторим. Вы говорите только то, что знаете. Если чего-то не знаете, так и отвечайте судье: «Я не знаю». Выдумывать или сочинять ничего не надо. Договорились?

– Да, хорошо. – согласилась Светлана Павловна.

– А как же уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний? – спросил муж.

– Вот поэтому и говорю: если чего-то не знаете, говорите: Я НЕ ЗНАЮ. И никаких проблем.

– Ну, хорошо... – как-то неопределённо ответил муж.

– Отлично. Вот наш зал. Присаживайтесь.

В коридоре царило странное напряжённое оживление. На табло висела фотография судьи с чёрной лентой поперёк изображения. Ниже указаны даты рождения, смерти и слова соболезнования.

– Господи, такой молодой... А что ж случилось?

– Пока не ясно. Вроде бы упал из окна.

– Сам?

– Неизвестно. Ведётся следствие.

– Пропустите! Граждане, в сторону! – Голос судебного пристава в этом полушёпоте прозвучал, как гром. За его спиной шёл парень и ещё один пристав. Одежда грязная, голова не мыта, на запястьях наручники.

– Вот так просто ведут по коридору?

– Да. Поэтому такие строгие проверки на входе.

Представитель Комитета стоял в стороне и нервно разговаривал с кем-то по телефону. Выглядел он очень внушительно. Чёрный костюм, рубашка, большие часы на руке. На лице бородка, волосы аккуратно уложены.

Это Комитет подал исковое заявление. Это им мешает старая корова и пара кур на участке Мархасова.

Неподалёку от Комитетчика спиной ко всем стояла женщина невысокого роста. Вова мельком глянул на неё, но не придал значения.

Дверь зала заседания открылась. В проёме появилась девушка в белой блузке.

– На 14-30, стороны, проходим!

Вова взял чемодан и встал. Светлана Павловна тоже поднялась с лавки.

– Нет, вы свидетели. Сидите здесь, ждите.

Вова пропустил вперёд представителя Комитета и вошёл следом. Дверь за их спинами глухо захлопнулась. В коридоре наступила тишина. Женщина, стоявшая ко всем спиной, развернулась и тоже села. Тонкие губы сжаты, в глазах презрение, держит в руках папочку с документами.

– Глянь! А она-то что здесь делает? – ткнула мужа в бок Светлана Павловна.

*

Чёрная мантия судьи с белыми воротничками – символ беспристрастности. Чёрный цвет скрывает всё человеческое. Судья не должен быть подвержен эмоциям и личному отношению к участникам процесса. Мантия, как и другие подобные одеяния, появилась в Средние века в Европе и произошла от одежды *духовных* лиц...

Так было раньше. Но с появлением DL-6 многое поменялось. Мантию, как архаизм, убрали. Как когда-то были убраны парики. Одна из судей однажды обмолвилась, что, к примеру, летом работать в мантии просто жарко, и не спасают никакие кондиционеры.

Теперь судей отличает от остальных участников процесса лишь петличка на лацкане пиджака. Небольшая серебристая петличка в форме весов. Символизирует все ту же беспристрастность и взвешенность решений.

Но – больше никаких мантий, белых воротничков, судебных дел из бумаги, прошитых белой нитью. Бумагу и нитки давно заменил электронный документооборот.

Видимо, скоро и адвокатов отменят за ненужностью. Тягаться с судьями, чей мозг усовершенствован DL-6 все равно, что воевать с ветряными мельницами. Они соображают в три раза быстрее. Они хитры и изворотливы. И, кажется, заранее знают, что ты хочешь сказать.

Они не просто умны. DL-6 делает их частью *системы*. А в одиночку воевать против централизованной системы – это... Но мы ещё держимся. Что-то придумываем. Ищем какие-то выходы. А что остаётся? Хочешь жить, умей вертеться. Хотя, куда все это катится – непонятно...

*

= 05:45 =

Вова проснулся раньше будильника. Просто не мог спать. Снилось работа, все мысли о сегодняшнем деле. Он тихо встал, стараясь не разбудить жену, и пошёл в ванну.

Долго смотрел на себя в зеркало. Взял зубную щётку, включил тёплую воду. Как же тяжело быть совой в мире жаворонков! Нужно найти такую работу, чтобы не вставать по утрам. А лучше – не работать вовсе.

Сколько лет искали средство для ускорения работы мозга? Сколько попыток, удачных и не очень. А потом появилось DL-6. Просто появилось DL-6.

Небольшой био-процессор вживляется в руку и влияет на нервную систему. Эксперименты показали феноменальные результаты – работа мозга ускорилась в два-три раза, в зависимости от подготовки человека.

Проект с самого начала пытались засекретить. Информация только у ограниченного круга лиц, уровни допуска, проверки... Но, конечно, как ни засекречивай, шило в мешке не утаить.

Слухи о разработках DL-6 разлетелись, как вирус. Начали появляться подпольные лаборатории. Горе-врачи с сомнительными сертификатами устанавливали смельчакам паленые версии программы, пытались найти какие-то модификации, варианты загрузок.

Не заставили себя ждать и несчастные случаи. DL-6 давала сбои, перегрузки. Сколько случаев сумасшествий и самоубийств после установки непроверенной версии... Хотел быть успешным, а вместо этого стал психопатом и сбросился с моста. Говоря простыми словами, у людей, установивших паленку время от времени вскипали мозги.

Поэтому использование DL-6 без специального разрешения было поставлено под строгий запрет. Установка разрешена только определённым группам лиц. Ученым, работающим по спец-направлениям, членам Правительства, законодательного собрания, сотрудникам силовых структур, работникам судебной системы.

Внешне эти люди такие же, как все. Отличаются только легким отблеском в глазах. А вот продуктивность их деятельности увеличивается в разы.

С появлением DL-6 наука шагнула вперёд. Множество открытий в самых разных областях. Химия, космонавтика, электронные технологии... Самыми громкими были прорывы в области генной инженерии (они говорили, что научились печатать мозг) и физике (использование энергии солнца).

На фоне этих новостей практически незаметным прошёл закон о домашнем скоте. Якобы, нашли какую-то бактерию в жизнедеятельности отдельных групп животных. В итоге было принято решение: всю домашнюю скотину изъять с территорий населенных пунктов и содержать её только в специально отведённых местах. Обязательные проверки и дезинфекция. Разведение домашнего скота в черте городов поставлено под строгий запрет.

Официально это преподносилось, как борьба с инфекцией. Но все прекрасно понимали, что это выдумки. Сотни лет люди разводили скотину, пили молоко, ели мясо, и никто не умирал. Закон о домашнем скоте продавили те, кто хотел захватить рынок, замкнуть кольцо монополии. Система работает на Систему. Система работает для Системы.

– Ты чего так рано? – Марина вышла из комнаты, щурясь спросонья. Вова разложил документы на кухонном столе и делал пометки в блокнот. В ответ он только вздохнул. – Сделать тебе кофе?

– Я уже, спасибо.

– Ммм – Марина улыбнулась и пошлепала в ванну.

*

Серебристый беспилотник тихо пролетает над дачным посёлком. Пять утра. В этот час десятки таких беспилотников

патрулируют пустынные улицы. Информация с фото и видео-камер отправляется на пультах связи.

Он останавливается над одним из домов, подлетает ближе. Видеокамера, установленная на носу, включает запись.

Вот из дома вышел старик. В руке небольшое ведро. Он открыл сарай и вошёл внутрь. Дверь снова открылась через несколько минут. Старик вынес ведро с молоком и поставил его на крыльцо.

Зашёл в соседний сарай и вскоре вышел оттуда. В руках лукошко с яйцами.

Он вернулся было в дом, но остановился, поднял голову – что-то мелькнуло над крышей? Поставил ведро и встал на середину двора. Что там?

Над крышей ничего нет.

*

= 08:47 =

– Слышал про Ивановского? – спросил Тимур. Они с Вовой курили на парковке.

– Про судью? А что с ним?

– С собой покончил.

– Да ну... Когда?

– Этой ночью.

– А почему?

– Никто не знает. Записок нет. Но, вроде бы, он собственного друга осудил.

– Серьёзно?

– По крайней мере, так говорят.

– Слушай, ну то, что он жёсткий судья, это понятно. Это все знают. Если можно вынести максималку, он вынесет максималку. Но судить своего друга? Он же мог заявить самоотвод...

– Да! Но не заявил. А перед тем, как спрыгнуть, звонил бывшей жене.

– Это как-то связано между собой?

– Опять же, никто не знает.

– Хм... Видимо, звонок не помог.

– Видимо, да.

На парковку влетела чёрная затонированная Тойота. Взвизгнули тормоза.

– Ого! Цербер не в духе.

– Сегодня ж планёрка.

– Ага... Сейчас она наденет свои сиськи пятого размера и пойдёт нас разносить.

Из машины вышла стройная девушка. Бюст у неё и, правда, был внушительный. Громко хлопнула дверью, отбросила чёлку со лба и пошла к лифту. Каждый шаг отдавался звонким цоканьем шпилек.

– Ну что, двинули? Скажут ещё, что опоздали.

– Пошли. – Тимур напоследок затынулся и бросил окуроч в бак.

*

Все знают, что Шеф спит с Цербером. Все молчат, но знают.

Кабинет Шефа ограждён темным стеклом. Жалюзи всегда опущены и плотно закрыты. Но иногда створки тихонько приоткрываются, и он – наблюдает...

На полу у окна в его кабинете большой горшок с каким-то неизвестным цветком, стол буквой Т, шкаф с документами, фотография жены и детей.

Церберу двадцать девять. Разведена, детей нет. Первые морщинки уже пробежали по уголкам ее глаз, но это никак не влияет на общий вид – подтянутой девушки со строгим каре и большими, невообразимо большими глазами карего цвета. Когда она смотрит тебе в лицо, трудно удержаться от смущения. В ее требовательном взгляде огонь, вызов и какое-то отчаяние. Эта девочка обожглась однажды, но больше никому не позволит себя использовать. Отныне доминировать будет – она.

Цербер сидит в общем кабинете со всеми. Лицом к сотрудникам. Она видит и контролирует каждого.

Чай на столе? Нельзя. Мелкие перекусы в рабочее время? Нельзя! После туалета задержался на перекур? Цербер ода-

рит тебя таким взглядом, что надпись на пачке сигарет «вызывает импотенцию» окажется не самым страшным последствием курения.

Цербер может повлиять на любое решение Шефа. Фактически она является серым кардиналом в этом офисе. Поэтому никаких подкатов к этой знойной брюнетке. Строго рабочие отношения. Безоговорочная исполнительность, скорость и внимательность. Иначе латексные чулки, кожаная плетка и...

– Коллеги, планёрка! Проходим.

Коллектив этой юридической фирмы, наверное, самый обычный. Здесь есть Подлиза, которая и простым смертным улыбается и с Цербером шушукается. Есть Мамочка, которая работает здесь ещё с царских времён. Она всегда поможет, подскажет и подкормит. Есть пара непримечательных личностей, Вова даже имен их не вспомнит. И есть Тимур, с которым у него вроде как сложились доверительные отношения.

Кто-то раз Тимур сказал, что надо радоваться тому, что планерки с понедельника перенесли на вторник. И он оказался прав. Если бы планерки начинались утром в понедельник, на работу пришлось бы выходить с воскресенья.

На планерке ты должен вкратце описать результаты прошлой недели и планы на ближайшие дни. Шеф слушает, Цербер делает пометки в свой блокнот. А потом они начинают задавать вопросы. Как в старом кино – хороший полицей-

ский и плохой полицейский. И лучше бы тебе ответить на все их вопросы. Иначе будешь сожжен взглядом этой бестии.

Но хуже всего тем, кого просят остаться после планёрки один на один с начальством. Это значит, что бедолаге собираются задать *особые* вопросы...

– Ну что ж... – сказал Шеф и сложил руки (Цербер блокнот не закрыла) – Идите работать... Владимир, задержитесь. Присаживайтесь поближе.

Вова быстро обдумал все свои дела. Что им нужно? Вроде бы, никаких пробелов... Чего они хотят?!

– То дело по домашним животным... Заседание сегодня? – мягко начал Шеф, когда все вышли.

– Да. Мархасов. В 14-30.

– Он заплатил? – вмешалась Цербер.

– Я как раз хотел сказать... – забормотал Вова.

– Ты же говорил им, что мы не будем участвовать в деле, если они не заплатят?

–

Да, конечно... И-и-и... -

Что делать? Сегодня финальное заседание. Вова сделал для этого дела так много! Да, он не взял деньги со своего преподавателя. Любимого преподавателя! Просто не смог. Хотел помочь, от души. И ещё – Вова надеялся, что никто этого не заметит. А вот, нет. Заметили.

–

Что «и-и-и»?

–

Он перевёл деньги! – По спине пробежал холодный пот. Что он скажет Марине? Куда делись деньги? В этом месяце премию не дали?

– Перевел? – переспросила Цербер.

– Да, вчера вечером. На мой счёт. Я как раз собирался вам сообщить.

– Прекрасно – сказал Шеф – Ну что ж, иди в бухгалтерию и оформи всё, как следует.

– Конечно. Хорошего дня, Сергей Павлович.

– Давай.

В коридоре Цербер догнала Вову.

– Надеюсь, ты не собирался скрыть оплату?

– Нет, я просто не успел вам сказать.

– А почему он внёс деньги на твой счёт, а не на счёт компании?

– Не знаю... Пожилой человек.

Возвращаясь на своё рабочее место, Вова остановился у куллера с водой. Цербер вернулась в кабинет Шефа и через минуту они вместе куда-то упархали.

Вова бросил стаканчик в ведро и пошёл к столу Тимура.

«ЗАЯВЕНИЕ. Прошу уволить меня по собственному...» – когда Вова подошёл, Тимур не стал закрывать монитор. Вова на секунду задержал взгляд на экране.

– Покурим? Коршуны улетели.

– А, давай!

*

– Что это ты удумал? – спросил Вова, протягивая Тимуру огонь.

– Надоело всё.

– Нашёл место получше?

– Нет. Не хочу заниматься юриспруденцией.

– А чем тогда?

– Возьму тачку и поеду в Питер. Буду таксовать.

– С высшим образованием?

– Да в жопу вышку! Я десять лет занимаюсь этим говном.

Надоело. Каждый день одно и то же.

– Тебе надо отдохнуть. Ты слышал про выгорание?

– Да дело не в отдыхе. Я смотрю назад и не вижу ничего.

– В каком смысле?

– Я уже десять лет тут работаю и знаешь, что я вспоминаю, оглядываясь назад?

– Что?

– НИЧЕГО. Пустота. Большая чёрная дыра.

– В каком смысле?

– Мы, юристы, ничего не производим. Каждое наше дело

– КАЖДОЕ – связано с деньгами. Мы берём деньги у одних и отдаём другим. И всё!

– Ну, мы помогаем людям... – попытался возразить Вова. Тимур отрицательно покачал головой, выпуская дым из ноздрей.

– Кто захочет решать чужие проблемы? Кому это действительно интересно? Ну, скажи. А мы занимаемся этим каждый день. Да, нам за это платят. И платят неплохо. Поэтому и развелось в последнее время столько умников, которые без опыта и образования лезут со своими псевдо-услугами.

– Народные мстители?

– Ага, они. Просыпаясь утром, обычный человек вряд ли подскочит с кровати с мыслью: эх, пойду, порешаю чужие проблемы! Потому что своих проблем хватает. Потому что не бывает всё беспрекословно хорошо. Всегда нужно что-то сделать, решить. Но вместо решения своих проблем, мы сутками напролёт решаем чужие. И это не главное. Мы не строим дома, не изобретаем новые лекарства, не лечим людей. Плоды нашей работы – это деньги, упавшие на счёт наших клиентов.

– Мы помогаем людям в трудных ситуациях. Разве нет?

– Иногда – да. Но чаще всего это просто борьба за алчность. Положительный результат – это когда клиент получил деньги. Или имущество. Чем больше денег ты выбил, тем лучше. Мы не лечим, не строим, не учим. А в итоге? Пустота.

– А чем ты *хотел бы* заниматься?

– Не знаю. Но точно – не этим... я оглядываюсь назад и ничего не вижу. Что я помню о прошлом годе? Неделя отпуска в Европе. Что я помню о позапрошлом годе? Неделя в Индии. Понимаешь? Из целого года я помню одну неделю! Вместо десяти лет – десять недель.

– А клиенты?

– В жопу клиентов! Бесконечные звонки: Чё там у нас? Чё там? Чё там?? Сука, иногда так хочется сказать: идите на хер! У меня своих проблем хватает!

– Ты просто устал. Тебе нужен отпуск.

– Да, наверное.

– Возьми друзей. А лучше – девушку. И поезжайте куда-нибудь. Вон, в суде сколько молодых девчонок!

– Заводить романы на работе это моветон.

– Согласен. Но, так или иначе, тебе надо отдохнуть. Ты выглядишь, как тухлое яйцо. И воняешь также.

– Пошёл ты! Сам-то чего такой запаренный?

– Да сегодня суд... такой. Неоднозначный.

– И что там?

– Ну... вроде бы все понятно. Я знакомился с делом. Ничего сверхъестественного. Но что-то не так...

– Зарядили?

– Не знаю. Может быть.

– А у кого суд?

– У курчавого.

– А, ну ясно...

– Он вроде говорит одно, а я чувствую, что в голове у него совсем другое.

– Как всегда. У меня с ним тоже так было. Вроде всё нормально шло. Потом – бах! В иске отказать. Ну не сука?

– Да. И я вот не знаю. Он смотрит на меня и, как будто насмеяется – Вова поежился.

*

= 13:28 =

Почему одних преподавателей студенты любят больше, чем других? Вова не знал. Но Александр Михайлович Мархасов был именно таким преподавателем, которого любили практически все студенты потока.

Мархасов заходил в аудиторию со словами «Умолкните, варвары!». И никто не обижался. Потому, что все знали, что варвар – это человек необразованный. Какими они, первокурсники, и являлись.

Конечно, очень важно уметь работать с аудиторией. Мархасов никогда не читал лекцию с листка. Он смотрел слушателям в глаза. Если кто-то пытался его сбить, Александр Михайлович не делал вид, что не замечает этого. Он разговаривал с очередным умником, ставил его на место. И делал это так, что в итоге его, Мархасова, уважали.

Старшие студенты, у которых Мархасов уже не препода-

вал, приходили на его лекции просто так, чтобы послушать. Потому, что он рассказывал ИНТЕРЕСНО. Наполнял свои выступления таким количеством разной информации, что народ заслушивался (например, кто такая Анечка Горенко?).

А потом, спустя годы, Вова совершенно случайно узнал о том, что у Александра Михайловича (на тот момент Мархасов уже ушёл на пенсию и не преподавал) возникли проблемы...

Вова ехал в метро и просматривал материалы дела. Документы, справки, шесть фотографий, сделанных беспилотником. Вот старик Мархасов косит траву на своём участке. Вот он идёт с бидоном через двор в сторону сараев. Бидон пустой. Вот он выходит из сарая. В бидоне какая-то жидкость. Комитет настаивает, что это молоко.

Вот постановление местной администрации: в связи с карантином домашний скот разрешается содержать только в специально отведённых для этого местах. Меры по защите населения от инфекций в продуктах жизнедеятельности животных. И плевать на то, что отец Мархасова занимался сельским хозяйством. И дед Мархасова занимался сельским хозяйством. И у них всегда была скотина. Плевать и на то, что эта, на сегодняшний день, единственная старая корова даёт всего один бидон молока в день. Мархасовы не продают. Они сами пьют своё молоко, сами едят яйца своих кур.

Фотографий самой коровы – нет. Но их и не нужно... Карантин есть карантин. Это всё, что интересует Комитет.

– Как ты собираешься защищаться?

– Я приготовил кое-какие справки, вызвал свидетелей. Соседи подтвердят, что у Мархасова нет домашних животных.

– В прежние времена почти в каждом подворье были животные, птицы.

– И никто не умирал!

– Да. Нормально жили. А теперь... Всё натуральное – вредно.

– Скоро будем питаться топливом, как эти чёртовы машины.

– Но ты же понимаешь, что справок и свидетелей может быть недостаточно?

– Понимаю. Но – что тогда? Ничего не делать? Сдаться? Значит, будем обжаловать, пойдём до конца. Я не могу понять другое – с чего это, вдруг, Комитет решил проверять именно этот дом?

– Какой-нибудь сосед сдал, не сомневайся. Какой-нибудь доброжелатель.

*

= 14:57 =

Пока допрашивали свидетелей защиты (Светлану Павловну и её мужа), судья был безучастен. Сидел, сложив руки за замок, смотрел стеклянным взглядом ящерицы на дождь за

окном.

Вова понимал, что это делается нарочно. Судья пытается его сбить, расслабить. Или все ещё проще – судья уже принял решение по этому делу. Принял его ещё до заседания. Вова видел, *как* они переглядываются с представителем Комитета. Как игроки одной команды.

К делу уже приобщены все справки. Только что они допросили двух свидетелей, которые подтвердили, что у Мархасова домашнего скота нет. И птиц – нет. Вова использовал все имеющиеся у него доказательства. Напротив, Комитет никаких конкретных доказательств не предоставил. Но это поведение судьи говорило, что игра не окончена. И сейчас, в установившейся тишине, Вова почувствовал опасность.

– У сторон есть ещё ходатайства?

– Да, ваша честь – сказал представитель Комитета – Мы просим суд допросить в качестве свидетеля Власенко Ольгу Алексеевну.

И тут судья оживился. Он повернул голову к присутствующим, положил руки на стол и потёр ладони. Стекланный взгляд сменился на змеиный блеск хищника.

– Что нам может пояснить свидетель?

– Она была председателем садового товарищества, на территории которого находится дом ответчика. Несколько месяцев назад жители избрали другого председателя. Тем не менее, у неё есть вся необходимая информация по данному вопросу.

– Представитель ответчика, Ваше мнение по заявленному ходатайству? – судья посмотрел на Вову глазами полными безразличия.

– Возражаю – он встал со стула – Власенко не работает председателем садового товарищества не несколько месяцев, как говорит представитель Комитета, а уже около года. Представленная ею информация не может соответствовать действительности, она не актуальна.

– Совещаясь на месте, суд определил удовлетворить ходатайство представителя Комитета и допросить свидетеля. Секретарь, пригласите.

В зал зашла невысокая женщина с копной курчавых волос на голове. Та самая, что стояла в коридоре спиной ко всем. Тонкие губы плотно сжаты в искривлённой гримасе. Голубые холодные глаза. В руках папка с документами.

– Свидетель, подойдите к трибуне. Назовите вашу фамилию, имя и отчество.

– Власенко Ольга Алексеевна.

– Кто-нибудь из присутствующих в зале доводится вам родственником?

– Нет.

– Вы приглашены в суд в качестве свидетеля, обязуетесь говорить правду, предупреждаетесь об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Это понятно?

– Да.

– Представитель Комитета, задавайте вопросы.

– Ольга Алексеевна, вы знакомы с Мархасовым Александром Михайловичем?

– Да.

– Поясните суду, что вам известно о наличии или отсутствии у него домашнего скота?

– По состоянию на позапрошлый год на подворье Мархасова имелось три головы крупного рогатого скота, и птица. Полтора года назад всех жителей посёлка Малаховского района обязали сдать скотину в спецзону. Практически все жители скотину сдали. Часть животных исдохла.

– А Мархасов сдавал?

– Нет.

*

= 18:28 =

Воздух к вечеру стал прохладней. Вова выключил кондиционер и открыл окна машины. Ветер заиграл в волосах.

– Как часто вы проигрываете дела?

– Мы выигрываем большинство дел просто потому, что стараемся не браться за бесперспективные вопросы. Иногда приходится брать и те дела, в которых однозначной позиции нет. В таких случаях знаем, что шансов на победу мало, но хотим помочь людям и идём на риск.

Вова ехал по шоссе вдоль бесконечной вереницы грузовиков. Смотрел вперёд рассеянным взглядом. Настроение –

хуже некуда. Он не любил проигрывать дела. Особенно такие. Когда доказательства притянуты за уши. Когда суд явно становится на сторону одного из участников процесса. Когда на белое говорят чёрное.

Что он скажет Александру Михайловичу? Мы можем обжаловать решение, и шансы на победу примерно 50/50? Извините, но в этом случае стакан скорее наполовину пуст, чем полон.

Вова остановил машину рядом с домом Мархасова и несколько минут сидел без движения. Эмоции зашкаливали. Несправедливое решение всегда вызывает чувство обиды, желание доказать свою правоту и биться до последнего. Но где-то на задворках сознания остаётся мысль, что дело не в одном конкретном судье, а во всей системе. Нет никакой гарантии, что апелляция отменит решение и правда восторжествует. Почему? Потому, что судьям заплатят зарплату в любом случае. Отменяют они решение или нет – зарплата всё равно будет начислена в назначенный день. Так зачем напрягаться?

DL-6 ускорило работу их мозгов. Но никак не поменяло человеческую сущность. Отменять решение, выносить новое, сидеть и расписывать всё это... Кому оно надо? Только если это не вопиющий случай нарушения прав человека (а главное – если за это нарушение можно крепко получить от Председателя). А здесь какие-то старики и корова...

Проиграть дело... Нет ничего хуже... Ты хотел, боролся,

ты пытался объяснить что-то, доказать. Но эти глаза ящерицы так и остались непроницаемыми.

Вова думал, какие слова подобрать, но ничего придумать не мог. Хотелось просто убежать! Куда угодно, только бы не сидеть здесь, в ожидании гильотины...

– А я думаю – кто приехал? Вроде машина стоит, а никто не выходит – Александр Михайлович открыл калитку и вышел на улицу. Вова поднял голову от руля и посмотрел в глаза своему преподавателю.

– Добрый вечер, Александр Михайлович.

– Привет! – Короткая пауза, внимательный взгляд – ...ты голодный?

– Спасибо, я...

– Пойдём, я как раз поставил чайник.

– Александр Михайлович, да я...

– Пойдём-пойдём.

Они вошли во двор.

– Ты для начала скажи, сколько я тебе должен за работу?

– Нисколько. Я вам ничем не помог.

– Так не пойдёт. Ты тратишь время, силы. Есть такой закон: если хочешь что-то получить, нужно что-то отдать.

– Этому вы нас не учили на юрфаке.

– Это не юридический закон – Александр Михайлович улыбнулся.

– Понимаете, суд уже вынес... – В этот момент он крепко

сжал руку Вовы. Так, что он невольно замолчал. Что случилось? Из дома во двор на кресле-каталке выехала женщина.

– Наталья Игоревна, знакомьтесь! Это Вова, мой студент.

Вова, это Наталья Игоревна, моя супруга.

– Здравствуйте, Наталья Игоревна.

– Добрый вечер. – У неё был умный, цепкий взгляд орлицы. Вова подумал, что Наталья Игоревна, тоже могла бы быть педагогом. Впрочем, не обязательно.

– Ну что ж, давайте пить чай! – сказал Александр Михайлович и указал на летнюю кухню. – Вова, ты проходи, садись. А мы за тобой – Он взялся за ручки кресла-коляски, в котором сидела супруга, и помог ей проехать.

У Натальи Игоревны на голове парик, подвязанный платком. Александр Михайлович как-то раз обмолвился про химио-терапию. Но тогда Вова был слишком увлечен работой и пропустил его слова мимо ушей... Так значит, у неё рак?

– Мы уже поужинали, а вот ты – налегай! – сказал Александр Михайлович и поставил перед Вовой тарелку горячего крем-супа с грибами. И он мог поклясться, что после такого ужасного дня, этот суп был лучшим, что с ним произошло!

Вова кушал и смотрел, как Александр Михайлович ухаживает за супругой. Как он наливает ей чай и отрезает кусочек торта.

Каково это жить с пониманием того, что болезнь скоро заберёт твоего близкого? Александр Михайлович не хочет, чтобы жена знала про суд. Не хочет, чтобы она расстраива-

лась. И это правильно.

В этот момент Вова почему-то вспомнил про того судью, что покончил с собой прошлой ночью. Он не знал истинных причин этого поступка (*Как можно осудить собственного друга? Почему он не взял самоотвод и не передал дело на рассмотрение другого судьи? Неужели нельзя было придумать хоть что-то?*) и не имел права его судить. Но сама собой напрашивалась в голову мысль. Видимо, можно иметь всё – и стремительную карьеру, и мозг, прокачанный DL-6, и управлять судьбами людей, но так и не стать счастливым.

– Тебе чай или кофе? – спросил Александр Михайлович.

– Если можно, кофе. Хочу взбодриться.

– Давай-давай. Работа не волк. И мы не овцы. Вот сахар, ложка. Не стесняйся.

После ужина Вова остался с Александром Михайловичем наедине.

– Ты мне все-таки скажи, сколько я тебе должен?

– Нисколько. Я Вам ничем не помог.

Александр Михайлович отрицательно покачал головой.

– Ну, так дело не пойдёт... Знаешь, что такое бесплатная работа? Это рабство. – и он протянул Хару конверт – Держи.

– Нет, правда, не надо.

– Так, отставить разговоры! – Александр Михайлович посмотрел на Вова с напускной строгостью. И он поддался.

– Спасибо.

– А теперь давай обсудим нашу ситуацию. Я тут кое-что набросал... Имеем же мы право обжаловать это решение?

– Да, конечно.

– Ну вот и здорово! Присаживайся.

= два месяца спустя =

*

За многие годы работы необходимость в будильнике отпала. Когда на циферблате мелькнула отметка 6:00, Алексей Макарович уже не спал. Он лежал один на твёрдом матрасе своей большой кровати и смотрел в окно.

Утро было его любимым временем суток. В этом полумраке ещё едва видна грань между реальностью и сном.

На рассвете он прогулялся с собакой. За завтраком пролистал новости. Сложил документы в чемодан и не спеша поехал на работу. В суд.

Алексей Макарович Рудов был одним из старейших судей в стране. Количеству его регалий мог бы позавидовать любой сотрудник суда. Именно поэтому у него не установлена DL-6. Он просто сказал: «Не надо» и вопрос отпал. Руководство не осмелилось перечить воле такого уважаемого сотрудника. К тому же они понимали, что этот человек скоро уйдёт на пенсию.

Он оставил машину на парковочном месте и вошёл в лифт.

– Здравствуйте! – сказала одна из молодых сотрудниц.

– Добрый день.

В кабинете Рудова, как и дома, царил идеальный порядок. На столе аккуратной стопкой сложены папки с делами. Несколько фотографий из мест, в которых он отдыхал. Цветок на окне (поливать раз в неделю).

Он поставил чемодан на стол, включил кулер и приоткрыл жалюзи. Переобул ботинки на туфли. По телевизору показывали какую-то передачу про одну из множества войн (Рудов не любил работать в тишине – привычка одиночки). Пока кулер разогревался, он открыл свежую пачку чая и бросил несколько ложек в заварник.

Из окна его кабинета видно двор суда, входное крыльцо. Под старым раскидистым дубом стоят аккуратные лавочки, разбит цветник. Через двор к зданию суда спешат люди. Сегодня апелляционный день.

Вот под дубом остановился молодой человек, поставил чемодан на лавочку и достал сигареты. Он курил жадными глубокими затяжками. Переминался с ноги на ногу. Явно нервничал. Да, что поделать, такая уж у вас, представителей, работа – переживать за результат суда.

Алексей Маркович не нервничал. Сейчас с появлением DL-6 судьи перестали думать своей головой. Они полностью опираются на эту силиконовую бляху у себя в запястье, на *голос*, который указывает им – как поступать.

Старикам повезло, они не видели всего этого идиотизма. DL-6 помогает принимать «правильные» решения в соответ-

ствии с нормами и предписаниями. Но что делать, если ситуация нестандартна и обычное линейное решение не подходит?

Куллер закипел. Алексей Маркович оторвался от своих мыслей и заварил чай. Сегодня будет долгий и непростой день.

*

Шёл третий час заседаний. Отслушали уже четырнадцать дел. Это довольно неплохо. По крайней мере, есть надежда, что обед начнётся вовремя.

Суд апелляционной инстанции отличается от районных судов тем, что дела слушают не один, а сразу три судьи. В зале заседания присутствуют также стороны дела – истцы, ответчики, их представители, третьи лица, прокурор и так далее.

Докладчик озвучивает обстоятельства дела. Затем слово предоставляется сторонам, их представителям, прокурору. После обсуждения дела судьи удаляются в совещательную комнату, где должны втроем принять коллегиальное решение. Обычным большинством голосов.

Так должно быть. Но в реальности происходит иначе. Докладывающий судья готовится к делу заранее. Изучает все обстоятельства, делает закладки в ключевых местах и – заранее принимает решение. Сам. В день заседания этот

судья чаще всего уже имеет при себе заранее заготовленный текст определения по делу. А остальные двое судей чаще всего молчаливо соглашались с ним.

Если кто-то из них все же не согласен с позицией докладывающего судьи, он может попытаться переубедить коллег. Или изложить своё мнение в отдельном определении. Но, как показывает практика, это происходит крайне редко.

Докладывающий судья положил перед собой очередную папку и назвал стороны:

– Комитет Управления к Мархасову Александру Михайловичу, Мархасовой Наталье Игоревне. Стороны, представители проходите на первый ряд. Документы, доверенности передавайте секретарю.

Когда прозвучали фамилии, выражение лица Рудова поменялось. Он придвинулся к столу, надел очки и посмотрел на дело.

Мархасова Наталья Игоревна... Ошибка? Нет, всё верно. Может, совпадение? ...и Мархасов Александр Михайлович. Дважды совпало? Вряд ли. И всё же...

Он посмотрел в зал.

На первом ряду сидели только представитель Комитета и тот самый молодой юрист, что курил сегодня под деревом. Мархасовы в суд не явились.

Можно проверить ещё дату её рождения. Рудов прекрасно помнил этот день. Но сейчас докладчик зачитывал апелля-

ционную жалобу, взять документы у него из рук невозможно. Что ж, подождём, послушаем.

Алексей Макарович откинулся на спинку стула. Память унесла его на много лет назад – в ту пору, когда Рудов только-только поступил на юридический факультет.

*

Слушать практикующих юристов намного интереснее, чем теоретиков, потому что их лекции наполнены реальными примерами, ситуациями из жизни, какими-то курьезными моментами. Теоретики же, особенно молодые, носа не поднимают из учебников. Они частенько говорят заученными фразами и понятиями.

Хуже преподавателей-теоретиков только преподаватели-теоретики, которые пишут свои учебники и заставляют студентов учиться именно по ним. Получается теория, помноженная на теорию. Никакого отношения к реальной жизни.

Сейчас студентам повезло. За трибуной стояла женщина-лектор, очень опытный, практикующий юрист.

– Однажды старушка украла чайник за тридцать копеек. Её поймали, отдали под суд. На защиту старушки встал адвокат Плевако. Прокурор настаивал на том, что частная собственность священна, закон суров, но он – закон, а значит старушку надо наказать. Присяжные слушали его и соглашались. Но вот слово взял адвокат Плевако. Он сказал: «Много

бед, много испытаний пришлось претерпеть России за более чем тысячелетнюю историю. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Наполеон с армией из двенадцати языков обрушился на неё и взял Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь... Старушка украла старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно!». Как выдумаете, какое решение приняли присяжные?

– Её оправдали?

– Да. Оправдали. Для чего я вам всё это рассказала? Вы, будущие юристы, должны научиться думать нелинейно. Не бывает двух абсолютно одинаковых ситуаций. Всегда есть какие-то нюансы, мелочи и детали. Учитесь замечать и исследовать каждое дело во всех подробностях. Учитесь понимать последствия ваших решений, ваших действий.

Студент Рудов сидел сзади на небольшом отдалении от одноклассников. Он слушал лектора, время от времени поглядывая на новенькую девушку. Она сидела на центральном ряду, у самой доски. Обернулась... Глаза, как блюдца. Два голубых озера! Рудов замер. А дальше сопротивляться было бесполезно. Влюбился так, что боялся подойти к ней.

Когда она поднимала на него свои глазища, он замирал. Становился бессильным идиотом. Она общалась со всеми, но всегда держала дистанцию. А потом в ноябре был день студента, дискотека. Рудов по неопытности напился, подо-

шёл к ней и, конечно, всё испортил! Она не пошла с ним танцевать.

Впрочем, возможно, дело было в другом. Вскоре появился Мархасов, третьекурсник. Он подарил ей букет красных роз и увёл с последней пары. Наталья смотрела на него так, как не смотрела ни на кого из одногруппников. И уж тем более – на Рудова.

Они не только провстречались все пять лет обучения (Рудов ждал, что этот союз рано или поздно даст трещину), не только поженились перед вручением дипломов, но и, как оказалось, прожили вместе всю жизнь.

Очень жаль, что они не пришли в суд... Рудов хотел бы он посмотреть, как годы отразились на Мархасове. А Наталья... Сколько он не видел её? Очень и очень много лет.

Как бы сложилась жизнь, если бы он был с ней? Этот вопрос преследовал его очень долго. Сначала мучил, потом злил, заставлял предпринимать какие-то шаги. Рудов поддерживал с Натальей общение, искал встреч, даже пытался переманить её, но всё без толку.

Потом он смирился. Женился один раз, второй... Дети, работа, стройка, внуки, работа... Время пролетело. Время обманывает, каким путём не пойдёшь.

Сейчас он откроет глаза и снова окажется в этом мире – стариком в очках с дорогой оправой, с дорогими часами на руке, в дорогом костюме. Но рядом с ним так и не будет той,

которую он любил столько лет. Любил больше всего на свете.

Он всегда выигрывал! Всегда побеждал и добивался того, чего хотел! Только не в отношениях с ней.

В очередной раз заболела голова. Рудов открыл глаза с абсолютным желанием закончить это дело поскорее.

—

Суд удаляется для вынесения решения. — сказал докладчик.

Все присутствующие встали. Судьи вышли в совещательную комнату.

*

— Ну что, здесь всё понятно — Кириллов протянул Рудову листок с напечатанным заранее определением. Он взял документ и пробежал по тексту: «Решение суда первой инстанции оставить без изменения, апелляционную жалобу Мархасова без удовлетворения». Поднял глаза на Кириллова.

— Дайте дело. — Рудов всегда говорил тихо. А когда злился — ещё тише.

Коллеги переглянулись. Рудов не раз уже замечал, что они посмеиваются над ним за спиной. Что поделать... Ждут, когда старик уйдёт на пенсию и перестанет умничать. Так и будет. Скоро. Но пока — он здесь.

— Но ведь...

—

Сергей Палыч, дело. Пожалуйста. — повторил он.

На лице Кириллова сжались желваки. Но в следующий же миг он фальшиво улыбнулся и протянул папку с документами.

– Да, конечно. Вот.

Рудов взял документы, подошёл к окну и повернулся к коллегам спиной. Он чувствовал негодование Кириллова, но не собирался обращать на него внимания.

Первым делом отыскал правоустанавливающие документы, открыл страницу с паспортами... Да, время не пощадило никого. Но эти глаза, её глаза – остались неизменными. Вся жизнь прошла, а он как вчера видел перед собой эту девушку. Она вновь и вновь оборачивалась, бросая в его сторону короткий обжигающий взгляд.

Вот их дом... Вот – двор... Вот и сам Мархасов. Постарел. Конечно, постарел. Рудов чувствовал, что с трудом справляется с эмоциями. Вот так прошла жизнь Натальи с этим...

Он пролистывал дело, попутно вспоминая выступление их представителя. Голос молодого человека теперь звучал у него в голове. Сознание судьи разделилось на адвоката и Комитетчика, на защиту и обвинение, на обиженного первокурсника и на умудренного опытом человека, который пронёс чувство к женщине – через всю свою жизнь.

– Уважаемый суд! В материалах дела отсутствуют фото или видео-доказательства реального наличия животных у Мархасовых.

– Что вы скажете о снимках, выполненных беспилотни-

ком? На них хорошо видно, как ответчик выходит из сарая с ведром молока. С яйцами. Откуда взялось молоко?

– По фотографии невозможно определить, что находится в ведре. Молоко это или иная мутная жидкость... Может быть это вода с мылом? Пена? Наличие у Мархасова яиц также ничем не подтверждено. Мы видим на изображении шаровидные предметы, которые могут быть чем угодно. Яблоками, например.

– Как вы можете объяснить, что в книгах учёта отсутствует запись о том, что Мархасовы сдали скотину?

– Очень просто. К тому моменту у Мархасовых её не осталось. А если скотины нет, то и сдавать – нечего.

– Показания свидетеля?

– Власенко больше года не является членом кооператива и не имеет отношения к этому району.

Рудов прекрасно понимал, что это дело **прошло** только потому, что иск подал Комитет. С такой слабой доказательственной базой ни один другой иск не был бы удовлетворён. Но это же Комитет. Часть Системы. На людей – плевать. Как всегда.

Будь он судьёй первой инстанции, этот иск полетел бы в мусорное ведро, где ему и место. Но сейчас – апелляция. Судей – трое. И двое из них подключены к DL-6. Чтобы отменить решение нужно большинство голосов. Хотя бы два против одного. С Ильиной они ещё как-то общаются. А вот Кириллов ходит в приближённых к Председателю...

–

Алексей Макарович... – сказал Кириллов. Ему явно не хватало терпения. Ильина стояла в стороне. Рудов почему-то посмотрел на её руку. И тут его как молнией пробило! У Ильиной тоже нет

DL

–6! Точнее – сейчас нет. Был раньше. Во время беременности датчик сняли из-за каких-то осложнений по здоровью. Что-то связано с родами, наркозом... Не важно! У неё нет

DL

–6!

– Коллеги... – Он смотрел в глаза Кириллова, но знал, что его главный слушатель – Ильина. Вся надежда на неё. Два голоса из трёх – и решение можно отменить, – Много лет назад, когда я был ещё студентом, преподаватель рассказывала нам истории из практики адвоката Плевако. Она рассказала про дела о тридцати копейках, о двадцати минутах и о других делах, в которых принимал участие этот адвокат. Она учила нас тому, что на любую ситуацию следует смотреть с разных сторон. – Рудов внимательно следил за реакцией обоих. Кириллов скептически ухмыльнулся. Ильина смотрела на него, отложив в сторону документы. – Так вот...

*

Вова вышел из здания суда, поставил чемодан на лавочку и закурил.

Клены облетели. После долгих дождей наступило бабье лето. Он и не заметил, как прошла половина осени, наступил ноябрь. Всё работа, работа...

Сквозь колыхание листвы пробивался свет утреннего солнца. Надо бы съездить куда-нибудь до наступления холодов. Поулять в тишине и ни о чем не думать.

– Тебя можно поздравить? – хлопнул его по плечу Барнов. Они работали в разных конторах, но время от времени пересекались в суде.

– Привет, Паш. Да, спасибо!

– Видел лицо Владимирова? Вся суть Комитета в одном человеке! Давно пора показать этим уродам с их беспилотниками!

– Да... А как твоё?

– А! – он махнул рукой – Оставили без изменения. Будем обжаловать дальше. Может, дойдем до Страсбурга. Слушай, я хотел с тобой посоветоваться. Ты перепланировками занимаешься?

– Да, бывало.

– Ну вот, подскажи... – его телефон зазвонил – Да, Виталий Сергеевич! – и шёпотом добавил – Ладно, потом. – и ушёл.

–

Давай. – Вова бросил окурок в урну и достал из кармана телефон.

–

Александр Михайлович, поздравляю вас, решением отменили! – Вова выглядел более чем довольным. Он говорил по телефону и не видел, как за его спиной приоткрылось окно на втором этаже. Рудов наблюдал и хорошо слышал его слова сквозь полуприкрытые жалюзи.

–

Александр Михайлович?.. – улыбка сошла с губ Вовы. Он развернулся и сел на лавку. Рудов видел, как за доли секунды выражение его мужчины сменилось с радостного на серьёзное, даже расстроенное. Что произошло?

– Наталья Иг... А когда? Сегодня ночью? А что врачи? Сорок минут?! Ну что за люди! Александр Михайлович, соболезную вам. Вы сейчас один? Давайте я приеду. А, дочка... Ну хорошо. Я могу вам чем-то помочь? Угу... А когда похороны? Да, конечно, я приеду. Очень жаль, Александр Михайлович, примите мои соболезнования.

Вова выключил телефон. Посидел ещё минуту, затем взял чемодан и ушёл.

В открытое окно было слышно, как удаляются его шаги. Рудов сидел в кресле и неподвижно смотрел в одну точку. В дверь постучали, но он не пошевелился.

Он всё сидел и сидел, и никак не мог оторваться от картины на стене. Корабль пробивается сквозь шторм. Корпус наклонился, преодолевая гребень волны. Рудов слышал, как скрипит его мачта, чувствовал холодную солёную воду на лице. Странно, ему всегда казалось, что корабль пробьётся

сквозь шторм. Не смотря ни на что! Он обязательно доплывёт до берега, моряки попадут домой, к своим семьям. Рудов никогда раньше не сомневался в этом!

А вот теперь... впервые... он не знал... не был так уверен. Эта вода казалась слишком холодной, слишком тёмной, а волны слишком большими по сравнению с небольшим деревянным судном. В небе не видно звёзд и рядом нет кораблей... И, кажется, этот шторм только набирает силу...

За окном щебетали птицы, проезжали машины. Кто-то возбуждённо обсуждал прошедший суд. А Рудов всё сидел и смотрел... Сидел и смотрел...